

Константин
Альгиеба

Лето
в даче

16+

Константин Альгиеба

Лето в ящичке

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Константин Альгиеба

Лето в ящичке / Константин Альгиеба — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99017-3

В сборник "Лето в ящичке" включены произведения, вобравшие в себя повседневный жизненный опыт автора, его наблюдения и личные истории, рассказанные как друзьями, так и случайными знакомыми. Героями самых разных событий становятся не только люди, но и животные. Основа повествования - чувства, которыми решено было скорее поделиться!

ISBN 978-5-532-99017-3

© Константин Альгиеба, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Лё-ля	5
Уберите это немедленно	7
Было дело вечером	10
Лето в ящичке	12
Гостинец	15
Коробок желаний	20
Культурная столица	22
Рыболовы-охотники	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Константин Альгиеба

Лето в ящичке

Лё-ля

Она любила прогулки, когда жила в центре. Это место стало каким-то особенным. Оно начиналось у моста Петра Великого, а заканчивалось мостом соседним, соединяющим разные берега Заневского проспекта. Незасыпающие светофоры провожали очередную белую ночь зелёным светом, одинокие чайки, сидя на гранитных парапетах, лениво кричали, растворяя над водой редкие звуки раннего петербургского утра...

Иногда по лестницам можно было спуститься к реке. Её мелкие волны заставляли бесконечно двигаться невысокие дома. Ясно-голубые глаза Лёли следили за этой живой картиной, которая становилась ещё более подвижной, когда по течению Невы проходил куда-то спешащий буксир. Непроизвольно шаг Лёли становился более частым, ноги начинали привычный бег. Когда быстро ползущее судно оставалось позади, Лёля оборачивалась. Лёгкий ветерок доносил запахи свежесдобитого утреннего хлеба, который был где-то там – за забором хлебобулочного комбината. В такой момент представлялись любимые баранки с маком. Их мягкое тесто за хрустящей упаковкой пахло в памяти также, как пахло сейчас. Знакомые образы улетучились внезапно, когда их потревожили громкие голоса. Откуда-то снизу повеяло остывшей водой и тиной...

– Сергеич, прими инструмент! Всё, держишь?..

– Да, отпускаяй, взял!..

Лёле стало очень интересно, кто это может говорить с воды. Она попыталась перегнуться через парапет, но старание увидеть словесный источник ни к чему не приводило. Всплески и бульканье воды не прекращались. Лёля сбежала по соседней лестнице и увидела водолаза. Она была знакома с ними на расстоянии. Такие мужчины не раз представляли перед ней, но то ведь чаще с экранов телевизоров, а этот, внезапно вошедший в её жизнь, был совсем рядом. По его чёрному телу сбегали капли. Они заканчивали свой бег только тогда, когда превращались в юркие ручейки, исчезающие в тёмных волнах. Мужчина снял блестящую маску, громко выдохнул и повернулся к неподвижно наблюдавшей гостье. Их глаза встретились тотчас, а разные цвета каждого смотрящего растворились друг в друге. Неожиданно Лёле захотелось сказать что-то. Её шея даже слегка потянулась вперёд, а рот открылся немного. Язык предательски прилип и не шевелился вовсе. За него о чём-то добром сообщили глаза. Они произнесли неслышно приветствие и ждали с нетерпением ответа. Он последовал почти что сразу, потому что сначала слово опередила улыбка...

– Привет! Я Григорий... Или просто Гриша! Я вот продрог слегка, а тебе я смотрю совсем не зябко!.. Ты если хочешь, то можешь ближе подойти. Я человек простой, поэтому... давай подружимся!..

Лёле голос собеседника очень понравился. В нём было нечто особенное. Он казался знакомым, почти родным. Лёля ловила себя на мысли, что совершенно точно знает его, как будто слышала часто. В едва низких нотах веяло внутренней добротой. После каждого сказанного Григорием слова, ему хотелось ещё больше довериться, положить голову на плечо, и не важно, что оно всё ещё оставалось мокрым...

"А мы не встречались раньше? Как будто в другой жизни сталкивались, но затерялись в беспомыслительстве!" – пронеслось в голове Лёли...

Григорий не слышал вопроса, лишь глядя в глаза робкой собеседницы продолжил: "Мы вот с товарищами набережную укрепляем. Снаружи всё ничего, а под водой полным-полно

работы. Её много, и за сегодня не успеем закончить. Скорее всего на несколько дней хватит. Если хочешь, приходи завтра, я очень буду рад тебе!.."

Товарищи Григория помахали Лёле, а улыбочивый собеседник, вооружившись неведомым инструментом, растворился в Неве...

* * *

Теперь она каждый день спешила к знакомому месту. Оно притягивало невидимым магнитом, заставляло сердце стучать часто. Дыхание нарушалось само собой и становилось беспокойным. Глаза ясного неба искали в этом вечнотекущем киселе того самого заветного, кого даже ночью забыть не получалось. Во снах Лёли они ходили вместе, бежали навстречу порывистому ветру, играли в прятки среди стволов высоких лесных деревьев. Иногда он бежал за ней, а через минуту сама Лёля пыталась его настигнуть. Ей, конечно же, удавалось сделать это чаще...

Уже прошло минут тридцать, как она ждала его не меняя места, хотя товарищи Григория разводили руками и вслух произносили, что помочь ничем не могут. И не устроить им этой встречи, дескать, попробуй придти завтра...

А завтра совсем повезло, потому что избранный долго говорил о хорошем. Он рассказывал о своих былых буднях и весёлых приключениях. Лёля слушала неперевывая, съедала каждое слово. Сама же в ответ молчала, молчала и молчала...

Это было что-то непередаваемое внутри, когда он вдруг однажды приобнял её и негромко сказал на ухо: "Прощай, Лёлочка, завтра, скорее всего, мы уже не увидимся. Я бы хотел запомнить этот день таким, с тобой рядом. Если ты не против, то давай сфотографируемся... Сергеевич, держи телефон. Сделай кадр!"

Товарищ кряхтел долго, приседая в ластах. Фотографировал раз, потом ещё один. Лёля чувствовала в сегодняшнем дне что-то горькое. Ей захотелось прижаться к водолазу. Запах костюма и тины не казались уже противными. В них было что-то родное. Щетина Григория перестала колоться, а его руки крепко обняли Лёлино тело, и губы произнесли негромко: "До встречи, Лёлочка! Лё-ля..."

* * *

С того дня прошло не так много времени, месяца два наверное. Лёля всё ещё пыталась отыскать Григория у гранитной набережной. Ей не верилось, что необычное знакомство так быстро закончилось. Сегодня Григория называют водолазом, а ведь когда-то неповторимый человек был кинологом, который одним своим появлением смог покорить сердце хаски...

Вечером ясно-голубые глаза собаки смыкались, она видела человека в блестящей маске. Его руки дарили тепло объятий, губы говорили шёпотом, но очень отчётливо: "Лё-ля..."

Уберите это немедленно

Утро начиналось с раннего подъёма. Нужно было быстро одеваться, есть быстро, собрать обед на день и спешно выходить. Впереди ждала дорога асфальтированная, а после – вымощенная плиткой. За эскалатором следовали пути железные, подземные. Двадцать минут в тоннелях на синем гудящем драконе пролетали быстро. Всегда казалось, что звуки его протяжных завываний разгоняют перед собой тьму.

От метро оставалось пройти пешком ещё минут десять, и вот она – типография. Спешащие работники утренней смены протискивались через узкие турникеты проходной издательского комплекса...

– Так, где ваш пропуск? – усатый мужчина с жетоном на груди всматривался в лица и в фотографии удостоверений. – Да, доброе утро, здравствуйте... Проходите, поспешите, не задерживайтесь...

Рабочая смена начиналась с семи утра. Было минут пятнадцать, чтобы переодеться, подготовить машины, настроить их для долгой трудовой деятельности. По обе руки стояли металлические монстры. Изо дня в день они резали, клеили, обжимали, сортировали... Тысяча операций в одном огромном цеху. Вот линия Колбуса, далее листоподборка. В народе прижилось иное название: листопад. В отдельных помещениях стояли машины гильотинные, а в дальнем углу аппарат обвязки или упаковки. Каждый рабочий день люди здоровались друг с другом, жали руки, кивали головой на расстоянии...

– Ой, сегодня ваша смена? Отлично! Мы зайдём позже. Нужно срочный заказ выполнить...

Часто приходилось расхлёбывать чьи-то производственные ляпы. Бывало, сильно срезами книжный блок, а в допуске оставался только один миллиметр. Приходилось стараться, выдерживать размер, а впереди ждал многоуровневый процесс шлифовки книжного обреза. Долгие операции по замеру, остужению, накатке фольги... По итогу получались красивые золотёные или серебряные страницы. Света и Марина, что зайти обещали, клеивалибумажные слитки в богатый переплёт. Так получались небольшие по тиражу, но высокие по стоимости издания.

Утренняя смена начиналась не с работы, а с основательного перекура. Дым в курилке часто стоял стеной. Глаза порой щипало и хотелось быстрее покинуть узкое помещение...

– Так, что вы стоите? Принимайтесь за работу! Если что-то непонятно, то быстро же к мастеру подходите. Сейчас технолог придёт, будем разбираться, почему форзацы плывут!

В проходах цеха слышался голос Андрея Александровича. Наверное, никто не знал его должности. Здесь он появился недавно. Пришёл с городского молочного комбината. В типографии Андрей Александрович должен был наладить производственный процесс, оптимизировать и усовершенствовать его. Он ратовал за увеличение тиражей и качество продукции. Шли слухи, что и на молочном предприятии что-то подобное сделать пытался, но не получилось. Зная его прежнее место работы, люди прозвали его по-своему...

– Как надоел! Снова этот Молочник шумит. С утра пораньше, – сказал Виктор и затянулся сигаретой.

В открытую дверь курилки быстро вошёл человек в пиджаке, клетчатой рубашке и в брюках со стрелками. Он был невысокого роста, гладко выбритый. Волосы Молочник всегда укладывал направо...

– Господа, приветствую всех, но вы видели, сколько на часах времени? Вы десять минут назад должны были начать работу. Выбрасывайте свои смердящие окурки и по местам расходитесь!

Рабочие тушили сигареты и выходили из курилки.

– Давайте быстрее!.. Я скоро на стену объявление повешу. Штрафовать начну. Иногда буду внезапно появляться, и проверять, чем вы занимаетесь!

Молочник спешно вышел в коридор и споткнулся о колесо огромной тачки. Она напоминала массивный контейнер с высокими бортами. Внутри лежал типографский мусор – отходы производства. Тачка доверху была наполнена обрезками картона, бумаги, пустыми банками из-под клея...

– Где этот человек? Почему телега с вечера не вывезена? Уберите это немедленно!

Из угла цеха вышла фигура в чёрном старом пиджаке. На мужчине были надеты серые пыльные штаны с отвисшими коленками, а козырёк кепки напоминал крышу дома, потому что оказался, переломлен посередине. Лицо рабочего выглядело дряблым и измученным. Выпученные глаза часто моргали...

– Вы за это отвечаете? – и Молочник указал на телегу.

– Да, я, – пробубнил мужчина.

– Как вас зовут?

– Борис. Я...

– Учтите, не заставляйте меня ругаться. Я хочу, чтобы эта телега вывозилась с вечера. Мусор в цехе не должен скапливаться. Через десять минут приходит машина, вывозит отходы. Вы успеете за оставшееся время спустить вниз этот тарантас?

– Да, я всегда успевал...

– С вечера, теперь с вечера вывозите! Правила, распорядок, обязанности ваши будут меняться. Скоро...

Андрей Александрович снял нитку со своих брюк, выбросил её в телегу Бориса и быстрыми шагами отправился к выходу.

Несмотря на то, что Борис выглядел старым, в нём скрывалась недюжинная сила. Он с лёгкостью наваливался на тяжёлую тачку, и она вставала на два своих колеса. Рабочий всё время катал перед собой мусорный контейнер, толкал его за толстую дугообразную ручку. В движении телега издавала жалобные скулящие звуки. Окружающие сразу понимали – едет Бориска.

Неизвестно, кто прозвал его так. Сутулого рабочего никто не знал толком. Бориска был нелюдимым. Ни с кем не общался, редко смеялся в курилке над анекдотами. Он всё время слушал и вопросов не задавал. Когда обедает, где живёт – это оставалось тайной. Ходили слухи, что ночует Борис на территории издательского комплекса. Мужчину считали чудачком, но никто из работников типографии над ним не подтрунивал. Порой угощали сигаретами, а Бориска тихо бурчал: «Спасибо!»

Прошла половина календарной зимы. День уже прибавился, работать становилось веселее и несколько легче; появлялось предвесеннее настроение. Из огромных окон цеха был виден внутренний двор с голыми деревьями. С неба падали воздушные хлопья снега. Эту тишину прервал громкий голос Андрея Александровича. За дверями, в коридоре, слышалась известная фраза: «Уберите это немедленно! Где он снова? Почему обрезки картона у машины навалены? Бумажная лапша у гильотинного ножа горами лежит! Где уборщик?»

Вчера выдавали зарплату. В последние месяцы её задерживали. Могли частями платить. Дела у предприятия шли всё хуже. Метаморфозы Молочника по перестановке машин, увеличению дневной продуктивности и сокращения сроков изготовления, не приносили результатов. Люди быстро справлялись с поступающими в работу тиражами. Чтобы закрыть трудовую смену, рабочие хватались за непривычную деятельность: упаковывали книги, делали календари, трудились на других участках цеха. Предприятие нуждалось в новых и крупных заказах, а не в оптимизации рабочего процесса. Нужно было в ином направлении думать...

Спустя два дня, в широких коридорах цеха послышался скрип мусорного контейнера. Бориска останавливался у машин, собирал мешки с отходами и двигался дальше. Он выглядел отдохнувшим и весёлым...

– Так, так, – громко сказал Молочник, выйдя из курительного помещения, – где вас черти носят?! Посмотрите кругом, вы думаете я не найду вам замену? Если получаете зарплату – извольте работать!

Бориска молча смотрел в сторону Молочника. Его глаза почти не моргали.

– Убирайте мусор, немедленно! – почти кричал Андрей Александрович. – Выполняйте свою работу!

– Я её делаю, – пробормотал Бориска, – здесь никто ещё не жаловался на меня. В мусоре не потонули. Вывожу по мере накопления. А вы человеком пробовали остаться? Что же вы кричите постоянно?

Собравшиеся зеваки слушали Бориса. Никто его не видел таким словоохотливым...

– Так, как вас там?.. Вы здесь больше не работаете! Я сейчас же доложу о ваших про-ступках руководству!

Молочник только повернулся, чтобы направиться к выходу, как в это мгновение на него обрушился дождь из бумажной лапши. Андрей Александрович замер. Типографские отходы зацепились за уши, свисали с плеч. Молочник посмотрел на Бориску и со злостью выдавил: «Ты уволен! С этого момента ты здесь не работаешь!»

– Меня не уволили, я сам ушёл!

Борис выбросил чёрный полиэтиленовый пакет в контейнер на колёсах и зашагал прочь...

Спустя полгода издательский дом обанкротился. Многие из имущества было распродано с молотка, рабочие предприятия искали трудоустройства в ином месте. Я часто вспоминал о былых буднях, когда проезжал мимо знакомого крыльца. Перед глазами возникали лица друзей, мастеров смены; в ушах стоял требовательный тон Молочника. Однажды показалось, что я видел Бориску на одной из оживлённых улиц Центрального района. Человек в чёрном пиджаке и в штанах с отвисшими коленками выкатывал к дороге мусорный бак. Козырёк его кепки был сложен домиком. Следом из-под арки вышла женщина в оранжевом жилете. Она явно руководила уборщиком. Издалека её рот двигался для меня неслышно, но, почему-то, вдруг вспомнилось: «Уберите это немедленно...»

Было дело вечером

Время пришло такое: не совсем обычное. Оно заставляло под себя подстраиваться. Поползли сокращения со всеми вытекающими. Появлялись новые формы заработка. А есть всегда ведь хотелось. В эпоху застоя многое случалось...

– Девчонки, представляете, Зойка позавчера домой шла... Фонарей нет почти что на Сибирской. Так, горят через два... И тут сзади её догоняет кто-то, снег под ногами хрустит. Она оглянуться не успела, как какой-то верзила как даст ей по голове! Вернее, шапку он так сбил. Та упала в сугроб, но и Зойка поскользнулась! Начала кричать, а он уже далеко был – лису её на бегу отряхивал...

– Да ладно тебе! Прямо так и было? – спросила Ленка.

– Ну, а что мне врать?! Она больничную взяла. Что думаешь, нет её? Ногу сломала, упав...

– Бедная Зоя, – вставила Мария.

– Я вот что сделала, – продолжала Нелли, – резинку пришила к шапке!

Она подошла к шкафу и достала из него головной убор.

– Пусть теперь попробуют её снять с меня! Не улетит далеко, а на мне останется.

– Да ну, – махнула рукой Ленка, – буду я вот так, как пугало ходить? Делать нечего. Колхоз какой-то...

– Сама ты колхоз. Люди дело говорят. Уже помогало некоторым!..

Тут дверь в учительскую резко открылась, и в помещение вошла Любовь Леонидовна – завуч.

– Так, девочки, большая перемена вот-вот закончится. Занимайте места в классах, у досок. Ученики вас ждут...

* * *

В этом году февраль таким не был, каким март оказался. Холода пришли неожиданно. Последние оттепели быстро потеснили морозы. Недавние лужи застыли крепко...

Ленка шла не спеша, потому что боялась поскользнуться. Под ногами лежало ледяное зеркало. Его слегка посыпал мелкий снежок, который начался с обеда. В руках девушки были пакеты с тетрадями учеников, хозяйственная сумка с продуктами...

«Ой, ладно, срежу по Сибирской, – подумала Елена, – что мне теперь, квартал целый обходить?» Она шла по пустой улице и вспоминала историю, которую рассказывала Нелли неделю назад...

«Ничего, я быстро сейчас пройду этот участок, а там, на проспект выйду и в трамвай нырну...»

Она шла, и продолжала думать. Сапоги скользили часто, а Лена умело балансировала имеющейся ношей. Тут, на стене кирпичного дома, она заметила стремительно мчащуюся тень... Она, и сообразить ничего не успела, как с её головы была снята меховая шапка. Пробежавший мимо мужчина, как будто, даже не притронулся до девушки, но она всё равно упала. Перед глазами мелькали ноги тёмного силуэта. Он бежал быстро, не оборачивался...

– Стой! – закричала Ленка на всю улицу, – стой, подонок!..

Она бросила свои пакеты и поднялась на ноги. В этот момент ей стало холодно. Непокрытую голову обдувал ветер. Девушка старалась бежать изо всех сил. В эту минуту она и не вспоминала, что может поскользнуться снова и больно удариться. Внутри было только единственное желание – догнать вора...

Неожиданно беглец остутился и распластался на животе. Шапка Елены выскользнула из его рук. Подобно перекасти-полю пересекла дорогу, стукнулась о деревянный забор палисадника, подпрыгнула на месте и легла поверх сугроба. Упавший мужчина, видя это, продолжал лежать на животе и громко хохотал на всю улицу...

– Что ты ржёшь, гад, – прокричала Лена и прыгнула на своего обидчика, – ненавижу тебя, сволочь...

Она била его руками по спине, иногда удары приходились в голову. Горе-беглец продолжал смеяться. Внезапно он замолчал и быстро повернулся на бок. Елена соскользнула со спины и, сидя на льду, обомлела...

– Стас, ты сдурел что ли?

Мужчина снова захохотал и не думал останавливаться.

– Глупый, вот, если бы не мужем был, так здесь и размазала бы!

Девушка бросилась к нему на шею и засмеялась...

– Ты знаешь, как я испугалась... Выдумщик!

За спиной вдруг окликнули: «Дочка, держи его!»

Лена обернулась, и увидела старушку на балконе ближайшего дома.

– Держи, я спускаюсь к тебе! Милицию уже вызвала!..

Лето в ящичке

Лёнька с самого утра пошёл в поле. Как только выпил целый стакан какао, так и отправился цветы собирать. Рядом мухи жужжали, шмели толклись на жёлтых подушечках ромашек. Мальчик знал, что приехавшая позавчера в деревню Машка любит эти цветы. Она сама ему говорила об этом. А здесь, в поле, они ещё и самые настоящие. Разве купишь такие в магазине?..

Из-под ног Лёни выпрыгивали ещё спящие кузнечики, а он прыгал за ними, старался повторить их действия. Клал руки на колени и со всей силы отталкивался от земли. Лёнька подлетал высоко-высоко, и сверху ему очень хорошо было видно, где растут желанные цветы.

Ромашки на поле разные расположились: большие и маленькие, одинокие и стоящие кустом. Мальчик срывал их избирательно. Чередовал белые шапки. Он понюхал одну из них и кончик носа окрасился в жёлтый цвет. Правая рука стала чесать его, потому что уж очень сильно чесалось. Почти сразу Лёньке захотелось чихнуть, и он это сделал... Громко так и не один раз. Эти звуки потревожили сидящих рядом стрекоз. Их резкий полёт стал ещё более резок. Яркие самолёты выписывали немислимые зигзаги, садились на редкие высокие подсолнухи и оттуда наблюдали за Лёнькой своими большими глазами.

– Точно, – сказал вслух мальчик, – возьму и эти солнца. Помещу в центре букета, а ромашками вокруг обложу...

Леонид достал из кармана перочинный нож, открыл его и принялся отмерять им стебель подсолнуха. Ярко-жёлтая грива растения затряслась часто, зашелестела листва – голова подсолнуха отделилась. Один, второй, третий... "Наверное и хватит", – подумал мальчик...

Левая рука Лёньки полезла в карман штанов и достала оттуда аккуратно сложенную газету. Ловкие пальцы мальчишки развернули её быстро, а затем расстелили покрывалом на зелёной траве. Собранные ромашки ровно легли на печатный текст бумажного полотна, поверх этого букета расположились три подсолнуха. Лёня свернул свою поклажу в трубу и зашагал домой...

На полке в сарае его ждал деревянный ящик. Совсем небольшой, наверное раньше в него складывали какие-то инструменты. Он был серым, со сломанной ручкой-перекладной. Её Леонид вчера вынул, протянул между образовавшимися отверстиями толстую верёвку, на концах которой появились два больших узла, чтобы обратно не проскакивала... Получилась удобная и приятная на ощупь мягкая перемычка. За неё ящик хоть пальцем поднимай, хоть всей пятернёй – очень надёжно...

Лёнька долго шкурил его вчера наждачной бумагой, обметал щёткой, тщательно покрывал небесно-голубой краской бока прямоугольного хранилища. Он старался несильно мазать кистью, так как боялся, что краска может не высохнуть к завтрашнему дню, но все его сомнения оказались напрасными: деревянные поверхности ящика не липли, приобрели приятный глазу цвет и матовость.

Внутри ящика Лёня поставил банку с водой, а со всех сторон утрамбовал соломой, чтобы сосуд прочно стоял по центру и не смещался. Мальчик развернул газету, руки взяли три больших солнечных головы. Подсолнухи оказались в воде, а вокруг них стали появляться ромашки. Лёнька долго компоновал их. Стебли цветов входили туго. Своими листьями цветы замаскировали и банку, и солому; получилось очень красиво. Юный мастер поднял в руке ящичек. Верёвочная перемычка натянулась струной, но не порвалась – выдержала. Лицо Лёньки светилось от радости. Оно уже предвидело момент дарения такого оригинального подарка. "Как только преподнести?" – пронеслось в его голове... "Или может просто под дверь поставить? Нет, так не пойдёт. Тогда точно не узнает от кого. Что бы такого придумать?.."

Вдоволь накатавшись на старых качелях, Лёнька с Машей пошли прогуляться. По дороге они дёргали с кустов малины и ежевики ягоды, рассказывали друг другу истории. Их накопилось много, потому что, наверное, ребята год не виделись. Леонид шутил часто, а Маша смеялась от этого. Спустя минут пять они вышли к полю. К тому самому, ромашковому, где ещё утром был мальчик...

– Ого, цветов сколько, – сказала удивлённо девочка. – Я так ромашки обожаю...

– Да, я помню, ты как-то говорила об этом. А хочешь, я тебе сейчас кое-что покажу?

– Конечно показывай, – ответила Маша, – очень мне интересно стало...

– Смотри тогда... Я ещё не совсем волшебник, но кое-чему научился в твоё отсутствие...

Гляди, букет за минуту...

Он исчез в придорожных кустах. В них слышался хруст веток и шуршание высокой травы. Маша ничего и сказать не успела, как на дороге показался Лёня. Его лицо светилось от радости, руки держали что-то за спиной...

– Вот, Маш, этот мой букет для тебя. Сам собирал. Искал самые лучшие...

Из-за спины Лёнька достал ящичек нежно-голубого цвета. Ромашки кивали при лёгком ветерке, а невозмутимые подсолнухи смотрели вверх, в небо...

– Ах, какой красивый букет... Как сделано оригинально. Очень, очень мило получилось! Лёнь, ты такой изобретательный и интересный!..

– Ну, ладно уж... Я просто старался от всего сердца делать. Вот, сделал...

Лицо Леонида стало красным, было видно его некоторое смятение и гордость за самого себя. Он протянул Маше ящичек и покраснелся ещё больше. Девочка взяла подарок за дно. Она понюхала объёмный букет и улыбнулась. В этот момент внутри ящичка кто-то зашевелился...

– Кого ты там спрятал от меня? – спросила Маша и уставилась на своего соседа.

– Не знаю, – ответил Лёнька, – я ничего такого не делал, никого не прятал!

– Ох уж эти мальчишки, одни сюрпризы преподносят...

Маша поставила ящичек на дорогу и принялась раздвигать стебли ромашек...

– Ой, – радостно воскликнула девочка, – там ёжик, Лёнька, ты правда волшебник!

Она прыгала на месте и хлопала в ладоши. Лёня смотрел на неё в этот момент и думал, что ёж, скорее всего, сам туда залез. Может быть воду в банке учуял. Всякое бывает ведь...

Они стояли у дома Маши и прощались. Девочка снова благодарила своего соседа. Восхищалась его талантом делать неожиданные подарки, а Лёнька стеснялся, расплываясь в улыбке, рукой отмахивался...

Маша выбрала в своём букете самую большую ромашку, вытянула её и протянула мальчику...

– Держи! Эту, самую большую, тебе даю.

– Что мне с ней делать? – спросил Лёнька...

– Подумай, а завтра мне скажешь, как получилось!

– Что получилось?

– Подумай, Лёнь. Может быть перед сном догадаешься, а может и с утра... Ладно, спасибо тебе ещё раз! Я домой. Зайди за мной завтра, как соберёшься. Ждать буду.

Она помахала ему рукой и вошла внутрь своего дома.

Лёнька долго заснуть не мог. Всё лежал на спине и крутил в пальцах стебель цветка. Ромашка вращалась то в одну, то в другую сторону. В это мгновение его осенило...

"Любит, не любит, любит, не любит, любит, не любит", – повторял он про себя. Лепестки ложились рядом на кровать, пока у жёлтого основания не остался один единственный лепесточек... Глаза мальчика смотрели на него и блистали. Улыбка растянулась от уха до уха. Он

повернулся на бок, положил ромашку рядом с собой и, не отрывая последнего лепестка, произнёс шёпотом: "Любит!.."

Гостинец

Был обычный субботний день. Рабочая неделя у большинства окончилась вчера, поэтому сегодня, выспавшись, люди помчались по привычным хозяйственным делам. Одни на рынки, другие в магазины. Некоторым везло больше, так как огромные супермаркеты располагались у дома – в шаговой доступности.

Под высоким потолком, закрытые чёрным сферическим стеклом, вращались камеры. Они наблюдали за снующими покупателями, которые возили перед собой объёмные тележки, держали в руках пластиковые корзины. Внимание электронных устройств привлёк парень в отделе выпечки и кондитерских изделий. Его маршрут раз пятый повторялся. Сначала в конец прошёлся, потом в начало вернулся. Человек останавливался часто, всматривался в ценники, брал с полок пирожные, торты, вращал в стороны прозрачную упаковку – вычитывал что-то. Парень почёсывал голову, окончательно замирал на месте.

Среди сотни наименований продукции Егор терялся. Возможно для себя он бы давно выбрал знакомое, а может и не выбрал вовсе – мимо прошёл. Манящее сладкое Егор любил; любил рулеты с фруктовыми начинками, выпечные изделия с заварным кремом, но в этот раз дело предстояло иное – его пригласили в гости.

Соня часто говорила, что родители ждут встречи. Разговоров о молодом человеке много, а знакомства всё не происходит. Отговорки Егора в последнее время приниматься перестали, потому что каждая новая причина всё меньше казалась правдивой. В начале недели Соня поставила парня перед фактом: назвала день и время визита. Накануне она напонила о предстоящем событии, сказав, что родители специально отложили поездку на дачу и мечтают увидеться! Куда тут денешься?..

В ушах стояла переключка кассовых аппаратов. Чёрная транспортировочная лента помогала кассиру дотянуться до выбранных покупателями продуктов. Большой торт стоял особняком. Его прозрачный как стекло фасад скрывал под собой неизвестное. Егор никогда не пробовал "Чёрный лес", и вроде как не встречал до сегодняшнего дня в продаже, поэтому решил купить такой, посчитав, что риск – самое верное дело...

Тонированные стёкла автоматических дверей на выходе не сразу обнажили уличную картину. Егор только переступил порог, как понял, что нагрянул дождь. Стоя под козырьком супермаркета, парень ничуть не смутился. В его рюкзаке как раз был припасён зонт на мокрый случай. Нажалась потёртая кнопка, зонт хлопнул приятным звуком, и крыша оказалась готовой. Мимо пробежали старушки с пакетами на головах, другие люди прикрывались папками, руками. Те, у кого были зонты, никуда не спешили. Егор также не торопился – он любил дождь. Туфли парня расплёскивали ещё мелкие лужи, оставшиеся капли слетали с носков обуви и возвращались в быстро текущие ручьи. В глазах Егора представлялась встреча с родителями Сони. Он волновался и немного нервничал.

* * *

Егор стоял у знакомой двери и в сотый раз изучал номер квартиры. Из кармана куртки парень достал телефон. "Ещё пять минут в запасе. Сейчас позвоню..."

Внезапно дверь открылась и Егор увидел Соню. Она подняла руки в недоумении, ждала хоть какого-нибудь ответа от молодого человека...

– Егор, кнопка звонка сама по себе не нажмётся! Тебя загнипотизировали? Стоишь тут, топчешься!..

– Как ты узнала, что я за дверью?

– В окно видела, через двор шёл! А если бы домофон работал? Стоял бы так же на улице? Давай, входи! У нас почти всё готово!..

Егор снял шапку, перешагнул через порог и толкнул за собой дверь. Она громко хлопнула, механизм накладного замка звонко сработал, а в одной из комнат послышались голоса и замелькали тени. Егор только приблизился к губам Сони, как услышал за спиной девушки голос...

– Так, давайте не оттягивать долгожданного момента, начнём знакомиться незамедлительно. Вошли так по-хозяйски, уверенно! Это хорошо, мужчина в доме должен чувствоваться! – улыбающийся человек потряс кулаком и протянул правую руку навстречу гостю...

– Да это она сама так, из-за сквозняка, – начал отвечать Егор...

– Василий Вениаминович!.. А вы значит Егором зовётесь?

– Да, вы не ошиблись, Егор и есть...

Парню казалось, что вся его голова трясётся от бесконечного рукопожатия отца Сони. Мужчина не отпуская кисти вошедшего и дополнил горячее приветствие похлопыванием по плечу.

– Вася, ну ты так человека нервным тиком наградишь, – сказала взявшаяся ниоткуда женщина. – Отпусти уже гостя и мне не мешай представиться... Любовь Николаевна – мама Сонечки. Она столько про вас рассказывала, столько всего, что, наверное, я сама готова представлять Егора кому угодно!

Егор покраснел и улыбка его всё ширилась.

– Так, забегая вперёд, вижу у вас какие-то съестные припасы? – сказал отец Сони и уставился на соблазнительный торт, который держала рука Егора.

– Да, начал отвечать парень, – это "Чёрный лес", а в пакете ещё бутылка шампанского!

– Отлично, – быстро произнёс Василий Вениаминович, – потрясный набор, главное только после игристого в лесу не заблудиться!..

Все стали смеяться громко, а Любовь Николаевна несколько раз просила Егора не обращать внимания на шуточки мужа, дескать юмор у него такой частый. После этого она взяла мокрый зонт гостя, повесила на крючок у шкафа-купе и поспешила напомнить Егору, чтобы тот не забыл его после...

Когда были вымыты руки и расставлены яства, Любовь Николаевна попросила пройти к столу. Егор продолжал стоять на месте и всё не мог расстаться со своим рюкзаком...

– Что у вас там, Егор, золото в слитках? Прямо в коридоре и бросили бы, что в руках носить?

– Да у меня там, если честно, некоторые знаки внимания. Соня рассказывала, что вы трубки курительные коллекционируете!

– Это точно, собираю разные, лет пять наверное. Я как курить бросил, так новое занятие себе придумал! Потом продемонстрирую накопившееся. Вы сами-то не дымите? – задал вопрос глава семейства, вращая в руках курительную принадлежность...

– Нет, сам ни разу не пробовал. Как-то желания не было.

– Это верно! И начинать не стоит. А трубка хороша, хороша. С пластинами металлическими, изогнута интересно... Спасибо, Егор, спасибо, вот только мы ничем ответить не сможем. Не подготовились, – и Василий Вениаминович косо посмотрел на жену...

– Ну, ничего, не последний же раз видимся! И нам представится возможность, исправимся! – сказала Любовь Николаевна, принимая из рук гостя коробку с лентой. – Красота какая! Одна упаковка впечатление производит!

– Да там... – начал было комментировать Егор...

– Чудо настоящее, какой дивный набор! Прямо-таки золотом расписан, – восторгалась мать Сони, открывая сбоку коробку, – вот, как раз чай из них вечером выпьем, с тортом. Угадали с рисунком, Егор, мне всегда цветы нравились! Оригинальные чашки...

Собравшиеся принялись занимать места, тарелки стали наполняться салатами, другими закусками. Аромат свежего хлеба заполнил гостиную, в воздухе повисла атмосфера праздника. Соня с Егором часто переглядывались и смеялись над шутками хозяина дома.

– А что же мы с пустыми фужерами сидим? За встречу кто пить будет? Егор, где ваша бутылка? Она как раз пригодится, начнём с неё. А раз это шампанское лично принесли, то вам и карты в руки!

Егор поднялся и вышел из-за стола. Он сходил в коридор за забытой бутылкой. Вернувшись через мгновение, парень присел рядом с Соней, потёр ладони и принялся откупоривать игристый напиток. Сначала толстая фольга легла на край стола, следующей корявая проволока появилась. Егор обхватил торчащую пробку, слегка наклонил бутылку и принялся проворачивать её. Вправо, влево, снова вправо, потом другой рукой – пробка сидела в толстом горлышке и не думала покидать его.

– Отменно забили, – сказал Василий Вениаминович, глядя на тщетные попытки Егора откупорить стеклянную тару.

Любовь Николаевна сидела напротив гостя и попеременно зажмуривала глаза. Ей казалось, что в каждую следующую секунду пробка должна выстрелить.

– Странно конечно, – начала она, – смотрите-ка, пузырьки кверху бегут. Почему же пробка не выпрыгивает?

– Сложно сказать, – продолжил Егор и снял руку с горлышка. Он стал внимательно изучать бутылку, водрузив её на стол. Неожиданно для всех раздался громкий хлопок. Пробка выскочила со скоростью пули, пробила матерчатый натяжной потолок, несколько раз от ricoшетила внутри полого пространства и замерла неслышно.

– Ба, – выдавил Василий Вениаминович, взглядываясь в свежую прореху, – вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..

Собравшиеся за столом сидели молча и не отпускали ни слова. Егор вообще притих и рассматривал рисунок ковра под ногами, но вместо него, почему-то, возникала дыра в потолке и сердитое лицо отца Сони.

Воцарившуюся тишину нарушила мелодия стационарного телефона. Только Соня решила встать со своего места, как мать жестом дала понять, что сделает это сама. Любовь Николаевна вышла в коридор, сняла трубку и принялась разговаривать с кем-то...

– Так значит вы на телевидении работаете? Где увидеть можно? – задал вопрос Василий Вениаминович, принявшись разливать шампанское по бокалам.

– Да, всё верно. Работаю на канале, но только не корреспондентом. Я всегда с другой стороны кадра – телеоператор. В основном это новостные сюжеты, эфиры в студии. Вне телецентра тоже подрабатываю. Свадьбы снимаю, другие праздники, трансляции на разных мероприятиях...

– Творчество – это всегда интересно. У меня, кстати, большой архив старых видеокассет. Случайно нельзя материал с ленты на более современный носитель переписать?

– Можно, конечно можно!..

Егор стал рассказывать о процессах оцифровки материала, вспомнил про навыки монтажа и курьёзные случаи во время съёмок. Незаметно в комнату вернулась Любовь Николаевна; она предложила продолжить разговор за горячими блюдами. В комнате зажгётся свет, а за окном сгустились тучи. Спустя час по подоконнику ударил ливень. Погода испортилась окончательно.

* * *

– Вот так всегда радуюсь, когда за окном ветры, ураганы, а я в сухости и тепле. В одной руке чай дымящийся, тёплый пирожок в другой... А вы с родителями живёте, Егор?

– Уже нет. Сейчас отдельно проживаю!

– Самостоятельность – это хорошо! Я сам всегда к такому стремился. Она воспитывает, закаляет! Любовь моя, – крикнул в коридор Василий Вениаминович, – что там с самоваром нашим?

– Всё, всё, закипел уже, – затараторила женщина войдя в гостиную. – Вот наш пузатик. Сейчас чашки новые ополосну и начнём чаёвничать!..

Любовь Николаевна снова вышла из комнаты, а спустя минут пять вместо неё вернулась Соня. Девушка внесла поднос со сверкающими чистотой ложками и чашками. Расписные пионы отдавали позолотой, белые блюда звенели друг о друга.

– Егор, можешь помочь мне, перехвати пожалуйста, а то взялась неудобно. Боюсь сахарница завалится!

Парень привстал с дивана, крепко вцепился в поднос Сони и поставил его рядом с самоваром. Девушка встряхнула руками, поправила прядь волос и сказала: "Может ты пока разольёшь кипяточку, а я на кухню за заварочным чайником схожу?"

– Да, сделаю!.. Я с детства любил самовары, да и вообще весь процесс чаепития. Печенья всякие, плюшки, варенья на хлебе...

– Егор, вы так рассказываете аппетитно, что, как мне кажется, не доживу до торта. У меня аж слюнки потекли...

Парень продолжал закрывать и открывать краник самовара. Наполнял кипятком одну чашку, другую; тут он неожиданно произнёс: "А ещё дурачились конечно..."

– Это как же? – поинтересовался Василий Вениаминович, – не молчите Егор, расскажите подробно!..

– Да, это так, больше забавы детские. Чай с крышечкой называется!

– Чай с крышечкой? Первый раз слышу о таком. И как его приготовить? Заваривается как-то по-особенному? Егор, открывайте тайны, не ухмыляйтесь. Теперь и меня раззадорили.

– А вы точно всё правильно поймёте?.. Вот и Соня заварочный чайник принесла. Он как раз необходим для нашей церемонии... Держите, чашка с кипяточком, принимайте... Сейчас я вам заварки налью, и, пока наливаю, спрашиваю... Василий Вениаминович, вам чай с крышечкой сделать?..

Отец Сони держался руками за край стола. Он вопрошающе смотрел на собеседника и удивлённо поднимал брови: "Ну, да, с крышечкой хочу!"

Егор резко наклонил вперёд заварочный чайник, его крышка сорвалась с места и со звоном нырнула внутрь чашки, расплескав в стороны парящее содержимое...

– О, Господи, – вскрикнул Василий Вениаминович, подскочив с места, – как же горячо. Ай-я-я-я-яй...

Он схватил лежащее рядом полотенце и принялся растирать им штанину.

– Уфф, как же печёт. Я скоро вернусь, – скороговоркой выдавил мужчина и поспешил покинуть гостиную.

– Егор, у тебя мозги есть? Что за ребячество? Ты как себя ведёшь? – задавала бесконечные вопросы Соня.

– Что тут стряслось? Отец почему кричал? Куда он делся?.. – продолжила вошедшая Любовь Николаевна. Она поставила на стол торт с конфетами, окинула взглядом мокрую скатерть и задала вопрос Соне: "Чаем что ли облился?"

– Ну да. Штанам досталось!

– Руки-крюки. Вечно что-нибудь случается с ним... Схожу помогу растяпе. Как дитё малое, ей Богу...

Любовь Николаевна покинула комнату, а Соня, толкнув Егора, закрутила пальцем у виска. Она присела на стул, вытащила из вазочки конфету в обёртке, помяла её пальцами и бросила в сторону молодого человека. Карамель, отскочив от плеча, улетела под диван. В помещении воцарилось молчание.

* * *

Разговоры за чаем не прекращались. Штаны на хозяйне дома были сухими, а настроение замечательным. Время бежало неумолимо вперёд, никто не заметил, как десять часов вечера наступило. Дождь перестал проливаться с неба, поднялся ветер. Любовь Николаевна вышла из-за шторы и поделилась наблюдениями: "Который день погода была хорошей, а сегодня испортилась мгновенно. Нам надо родителей завтра проведать, Вась. Я что-то притомилась сильно. Отпустите меня дорогие, пойду ко сну готовиться, а вы воркуйте тут, не спешите..."

– Ну, я тогда тоже с тобой. Будильник часов на шесть заведу. Нам просто в область завтра ехать, вы уж простите Егор, что оставляем... Рады были знакомству! Соня присмотрит за вами. Чаю ещё потребуйте. Погоняйте, бывает, увлекается безделием!..

– Папа, – проворчала Соня, – поклёп чистой воды. Егор, не слушай его, наговаривает...

На весёлой ноте, распрощавшись и пожав гостю руки, родители удалились в спальню, а Егор попросил заварить чашечку кофе. Он выпил её залпом, пробормотал Соне, что действительно час поздний, и второпях засобирался. С вешалки снял куртку, обулся. Соня подала висевший на крючке зонт. За долгое время он обсох полностью. Егор скрутил его привычным образом, перетянул чехол шнурочком и с силой погрузил в сетчатый карман рюкзака. Внутри зонт наткнулся на что-то, а наружу вылетела долгая белесая струя. Её оказалось так много, что в глазах зашипало мгновенно, стал вырываться кашель, а в носу закололо. Соня сорвалась с места и скрылась на кухне. Пальцы Егора нащупали вертушку дверного замка. Они повернули её пару раз и дверь тотчас открылась. В помещение ворвался свежий воздух. Егор стоял у лестницы, продолжая кашлять. Он слышал, как кричал Василий Вениаминович, как Любовь Николаевна звала Соню. Через минуту все четверо стояли на лестничной площадке; кто одетый полностью, кто в ночной рубашке и тапочках, в халате. Текущие носы утирали бумажные платочки, а редкую слезу на щеке смахивал край рукава.

– Господи, я сначала подумал, что соседи тараканов травят, халат накинул, думал минералки попить холодненькой... Дверь в коридор открыл, и началось... Пришлось бегством спасаться! Егор, ваших рук дело? Как так вышло?..

– Извините, пожалуйста, я в правом кармане баллончик газовый ношу, а тут забыл, что он там находится... Вот, зонт вставил. Не со зла, конечно! Случайность глупая!

– Мда, Егорка, вечер сегодня поистине незабываемым получился. Гостинцы ваши отменны... Особенно удался финальный аккорд – мы под впечатлением! Знаете, вы человек нескучный. У меня к вам предложение, поедemте с нами завтра, к родителям супруги. Свежую струю в привычное общение внесёте... Или как там у вас?..

Василий Вениаминович посмотрел лукаво в сторону Егора, а Любовь Николаевна с дочерью разразились хохотом.

– Нет, Егор, правда, я серьёзно предлагаю... Квартира наверное проветрилась уже. Пройдёмте с нами, чаю выпьем, а свободная комната всегда найдётся. Ещё успеете подумать. Как там у классиков? Утро вечера мудренее?..

Коробок желаний

В этом году весна пришла к нам особенно рано. Было очень тепло. Колосилась зелёная свежая травка, почки на деревьях, со дня на день, должны были превратиться в молодые листья. По ветвям кустарников бегали беспокойные муравьи, вокруг жужжали большие мухи, издали звала кукушка. Можно было хоть в шортах ходить. Кругом благодать...

Вадим стоял напротив меня и вращал свою руку в разные стороны.

– Что ты делаешь там? – спросил я двоюродного брата.

– Играю с божьей коровкой, – спокойно ответил Вадим и заморгал часто...

Мне стало интересно. Издалека была видна только тёмная точка. Я подошёл ближе и уставился на это пятнышко. Оно бегало на малюсеньких ножках очень быстро. Блестящий красный панцирь был украшен чёрными горошинками. Сначала коровка проползла сквозь пальцы, потом устремилась к локтю, затем вернулась к ладони и замерла...

– Эммм..., – пробормотал Вадим.

– Что ты сказал? – поинтересовался я.

Неожиданно для нас, красный плащ насекомого раскрылся, и прозрачные воздушные крылья унесли коровку в синее небо.

– Ну, вот, даже желания не успел загадать, – сказал Вадим.

– А что, разве так можно?

– Конечно можно. Я всегда загадываю что-то.

– Ух ты, – прошептал я и задумался...

Следующим утром я проснулся раньше всех и тихо прошёл на кухню. Чего только не было в бабушкином столе. В стеклянных банках ждали своего часа миллион приправ, различная крупа, мука, соль с сахаром... На одной из дверок стола была длинная пластмассовая полочка. На ней всегда лежали спички. Я уже тогда знал, что со спичками играть запрещено, поэтому они меня не интересовали. Взяв один картонный коробок, я выпотрошил его, и положил в свой карман. Оставшиеся на столе спички благополучно были рассортированы по другим коробкам. Никто бы не догадался...

После обеда мы с бабушкой решили пройтись до магазина. По дороге она разговорилась со своей соседкой, а я, немного забежав вперёд, стал искать в траве божьих коровок. Вот одна на колоске засиделась, вторая пригрелась на камешке, третья была схвачена на стволе дерева. Эта вот на травинке, следующая сама на меня села. Спичечный коробок то и дело открывался и закрывался...

– Ничего себе, – восторгался я, – это сколько ведь желаний будет исполнено?..

Я поднёс коробок к уху; он ничего мне не ответил. Только слегка вибрировал. Внутри копошились мои заветные желания. Улыбка не покидала моего лица. Глаза округлялись, и, казалось, уже смеялись.

В эту минуту бабушка попрощалась со своей знакомой и позвала меня. Развернувшись на месте, я поскакал к ней вприпрыжку. Один прыжок, второй, четвёртый, пятый... Неожиданно я споткнулся о какой-то камень и больно приземлился на правую коленку. Спичечный коробок кувыркнулся по старому асфальту без меня. От этой бешеной встряски он приоткрылся, и хранилище желаний стало быстро опустошаться. Божьи коровки, не раздумывая, взмывали в небо, терялись в густой придорожной траве. Я наблюдал за этим бегством молча. Руки сжимали разбитое колено. Глаза держали наверху от боли слёзы. День для меня был напрочь испорчен.

– Ну, ты даёшь. Кто же так желания загадывает? – говорил Вадим под одеялом своей кровати и смеялся...

– А как надо, если так неправильно? – спрашивал я.

– Тут важно не количество, а качество. А ты сразу всё захотел. Колено заживёт, не переживай. До свадьбы, как говорят...

Я зажмурил глаза и стал придумывать себе желание, но оно, как нарочно, не появлялось в мыслях. Ладно, решил я, завтра найду божью коровку и придумаю желание. Обязательно! Пускай ждёт меня. Я вспомнил маленькое красное пятнышко на руке Вадима. Расправив стеклянные крылья, насекомое улетело в тихое синее небо.

Культурная столица

Наверное, многим известно, что Северную столицу часто называют культурной. Похоже, что люди здесь иные, совершаемые ими поступки наполнены добротой и уважением к окружающим. Михаил Петрович много раз встречался с такого рода отношениями, сам старался проявлять заботу, был предусмотрительным в каждом своём действии. Он любил входить в пустой автобус, без суеты занимал удобное место у окна, а в дороге шурился от ещё невысокого весеннего солнца. В таком состоянии он мог проехать много остановок. Уши Михаила Петровича улавливали все звуки вокруг. По громкой связи объявляли названия знакомых остановок, а в салоне вежливо извинялись и просили простить за случайную неуклюжесть. Что делать, в общественном транспорте люди нередко оттаптывают ноги друг друга...

Где-то на Лиговском проспекте Михаил Петрович почувствовал на себе тяжёлый взгляд. Один глаз пришлось открыть и заметить ищущую места старушку с сумками. Ни секунды не медля, Михаил Петрович поднялся с насиженного места и предложил пожилой женщине занять его сиденье. Взамен Михаил Петрович получил кучу благодарностей, которые парировал простыми словами: "Ну, что вы, пустяки ведь. Наше время ещё молодое..."

Молодость Михаила Петровича покинула на площади Восстания. Людской поток ворвался в едва открывшиеся двери. "Наверное, с Московского вокзала?!!" – пронеслось в голове Михаила Петровича. Эта была последняя спокойная мысль в его сознании, потому что лавина страждущих попасть в полупустой салон автобуса не останавливалась. Сумки, коробки, какие-то рулоны, рюкзаки на спинах – продолжали мять бока, утрамбовывали каждый сантиметр живого пространства. Спустя секунды, ни руками, ни ногами Михаил Петрович уже не мог управлять. Его глаза, за большими оптическими очками, стали ещё больше, когда объёмная женщина-кондуктор привстала со своего места и произнесла на весь автобус: "Держитесь, крошки, я пошла!.." После этих слов даже в жар бросило. По лицу ручьями пот потёк, очки еле держались на краю носа и постепенно запотевали от горячего дыхания. Михаил Петрович решил не раздражаться такому обстоятельству, а людской давке не сопротивляться, мысли о чём-то прекрасном послужили иммунитетом в его непростом городском путешествии.

Минут через десять пришло спасение. Колесо автобуса, отказавшись следовать привычному маршруту, лопнуло, а раздосадованная публика в сердцах кляла эпохальное изобретение человечества. Одному Михаилу Петровичу чрезвычайная ситуация пришлась по душе. До родного жилища было рукой подать. Пройти оставалось около двух остановок, а с учётом хорошей погоды расстояние оказалось куда меньшим, чем виделось на самом деле.

* * *

По дороге домой Михаил Петрович всё больше смотрел на проезжающие автомобили. Отблески на решётках радиатора, хромированные зеркала, светящиеся бамперы – всё это разжигало в сердце ещё больший огонь. Туфли Михаила Петровича совершали уверенные шаги. Уличная плитка была широкой, и по ней в какой-то момент даже прыгать захотелось. Совсем скоро перед глазами выросли белые горизонтальные полосы – Михаилу Петровичу предстояло переместиться на противоположную сторону дороги.

У нерегулируемого пешеходного перехода скрипнули тормоза. Сидевший за рулём водитель жестом пригласил мужчину начать движение. На Михаила Петровича такая учтивость произвела впечатление, поэтому в ответ он даже приподнял шляпу. По широкой улице пронеслось никем неслышимое "Спасибо!"

Вечером Михаил Петрович надолго задержался перед газетами. Он сидел в своём любимом кресле и обводил приглянувшиеся объявления. Некоторые были даже с фотографиями, на них красовалась машина мечты...

К Волгам Михаил Петрович прикипел давно. Он был очарован просторным салоном, приятными элементами приборной панели, ясными фарами. Ему нравился вместительный багажник и уверенный голос двигателя, плавное переключение скоростей, мягкий ход на дороге. Нельзя сказать, что больше никого в жизни Михаил Петрович не любил, но образ автомобиля поселился глубоко в его сердце, изменил привычное течение дней в корне. Один из них завершался поздним часом, горячей лампой на прикроватном столике и недавно выданными водительскими правами.

* * *

Летний отпуск Михаила Петровича начался с ранних подъёмов. Белые ночи незаметно перетекали в доброе утро. По длинным набережным и уже сведённым мостам колесила белая волга. Капли воды, осевшие на капоте после проезда поливальной машины, искрились всеми цветами радуги. Вооружившись улыбкой, Михаил Петрович приводил в движение дворники, которые дружно принимались за привычную работу.

На нерегулируемых пешеходных переходах Михаил Петрович пропускал всё ещё зевающих людей. Одни поднимали руку в приветствии, другие переходили дорогу без лишних эмоций – продолжали оставаться в себе. Михаил Петрович долго ездил по любимому городу, осваивал маршрут, ведущий к работе и обратно к дому. Волга стала безотказным помощником и попутчиком хозяина; а он, в свою очередь, заботился как мог – сдувал каждую обнаруженную пылинку...

Товарищи по работе были в огромном восторге, когда Михаил Петрович подкатил к знакомому зданию на своей ласточке. Восхищению и ободряющим возгласам не было предела. Некоторые из собравшихся забирались в салон, слегка подпрыгивали на заднем диване, негромко хлопали дверью, сидели за рулевым колесом. Михаил Петрович отвечал на различные вопросы и делился накопленными впечатлениями. Двое из присутствующих попросились даже быть пассажирами. Автолюбитель никому не отказал, лишь напомнил, чтобы те не опаздывали по окончании трудовой смены...

* * *

Двадцать шестого июля Михаил Петрович на рабочем месте отсутствовал. Зато он явился днём следующим. Выглядел Михаил Петрович человеком другим, на себя непохожим... Лицо опухло, нос опух, а вокруг глаз два огромных синяка возникло. Михаил Петрович толком ничего не рассказывал, поэтому среди коллег поползли всякие предположения. Жирную точку в череде выдуманных историй поставил начальник, призвавший подчинённого к откровенному разговору...

– Что же это вы, Михаил Петрович, что произошло? Выкладывайте, как есть, начистоту... Куролесили где-то? Такая причина пропуска? А? Не ошибся? И что с лицом вашим? Надеюсь в аварию не попали?!!

– Да нет же, Алексей Фёдорович, всё проще. Я один возвращался. Наших ребят из отдела до дома подкинул, а после сам поехал... Не знаю, может быть подустал, внимание растерял по дороге, только нечаянно на одном из левых поворотов иномарку подрезал... Высокая такая, джип что ли какой-то... Тут красный сигнал светофора значит, я первым у линии стою, а к открытому окошку плотный человек подходит...

- И чего же он хотел от вас? – с волнением в голосе спросил руководитель.
- Как сейчас помню, Алексей Фёдорович, надолго запомню эту картину...
- Так что же, не томите, я весь испереживался...
- Доброго вечера! Не будете ли вы так любезны?.. Можно попросить вас очки снять?
- Быть не может! – воскликнул Алексей Фёдорович.
- Может, может! Вы всё видите. Два раза подряд. Одним кулачищем...
- Изувер! Какие-то нелюди... Вы не волнуйтесь, Михаил Петрович, не волнуйтесь. Даю вам неделю! К докторам сходите, отдохните малость, восстановитесь, так сказать...
- Честно, Алексей Фёдорович, я сразу не понял... Даже извиниться не успел...
- Михаил Петрович, вы здесь ни при чём! Просто такая разная у нас Северная столица!..

РЫБОЛОВЫ-ОХОТНИКИ

Пикап нёсся по хорошо асфальтированной дороге. Всесезонная резина громко шелестела на ровном полотне, а в салоне автомобиля ощущалось лёгкое покачивание. На заднем сиденье дремал мужчина в широкополой шляпе. В его ногах расположился объёмный рюкзак, почти такая же поклажа лежала рядом. Радиоприёмник разбавлял знакомые мотивы хрустящими помехами, от этого содержание песни приходилось с трудом улавливать или же дополнять своими рифмами...

– Жэка, не могу больше это хрипение слушать. Как из-под земли вещают! Давай, может, диск поставим... Что у тебя из пластинок есть? – и мужчина принялся перелистывать прозрачные кармашки в мягком кейсе.

– Да, найди что-нибудь. Надо на новое переключиться, потому что только на одного Серого эта колыбельная действует усыпляюще...

Товарищи повернули головы в направлении широкого дивана. Голова пассажира лежала на груди, а громкий храп рассказывал о полном удовлетворении поездкой.

– Глянь на него, наверное, во сне яствами балуется...

– Чего это?

– Слюнявчик можно привязывать. Измечтался в царстве Морфея... Что там, кабанчика ему подали или может омара?..

– Икру скорее чёрную. Загребает сейчас ложками, за обе щёки, по-хомячьи...

Друзья стали громко хохотать, продолжая наблюдать за безмятежным сном Сергея.

– Слушай, мы ведь рядом совсем; скорости не сбавляй, как свернёшь на грунтовку – гурмана по ямам прокатим... Погодь только, видеорегистратор в салон разверну. Эту рожу надо записать обязательно. Обсмеёмся после...

Автомобиль, едва притормозив, повернул вправо. Из-под колёс полетела щебёнка, которая била по днищу словно град. Почти сразу же показались небольшие ямки. Их стало так много на пути, что расстилающаяся до горизонта дорога смахивала на лунную поверхность, испещрённую кратерами. Машина с тентованным прицепом принялась непредсказуемо подпрыгивать. Содержимое салона пикапа устремилось вверх и в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.